

ОБЗОР НОВЕЙШИХ РАБОТ ПО «ИСТОРИИ» ГЕРОДИАНА

«История» Геродиана — один из важнейших источников по истории Римской империи последних 20 лет II в. н. э. и почти первых 40 лет III в. н. э. Во вступительной статье к последнему русскому переводу Геродиана (ВДИ, 1972, № 1, стр. 237—257) сделана попытка использовать по возможности все работы, специально посвященные этому автору, с XVIII в. вплоть до 1970 г. Настоящий очерк имеет своей задачей ознакомить читателей с четырьмя новейшими трудами по Геродиану, из которых один (Уайттэкер) оказался не в достаточной степени отраженным в статье, три были вне поля зрения автора.

Очень интересна по замыслу и выполнению работа Вернера Видмера «Империя, Рим и мир у Геродиана»¹. Оригинальная постановка вопроса, ясная логика, строгая аргументация, большой фактический фундамент, сжатое изложение — отличительные черты этой небольшой, очень весомой в научном смысле книги.

Во введении (стр. 5—10) автор констатирует расхождение мнений о книге Геродиана за последние 100 лет, тогда как раньше отзывы о ней были всегда положительные. На первом плане в современных исследованиях стояли главным образом вопросы об источниках Геродиана, о его личности и об исторической достоверности его сообщений, отчасти и проблемы стиля, которые, как предупреждает нас Видмер, сам он оставляет в стороне. Ни один из этих вопросов не получил общепризнанного разрешения. Причины такого положения ясны. Взаимоотношения между Геродианом и сохранившимися историческими трудами «*Historia Augusta*» и «История» Кассия Диона остаются невыясненными ввиду отсутствия твердых точек опоры, позволяющих высказать вполне обоснованные суждения; еще более темными оказываются отношения с утраченными произведениями.

Для заключений о личности Геродиана мы имеем только тот недостаточный материал, который содержится в его собственном труде. Что же касается вопроса о достоверности Геродиана, то здесь разница в оценке, по словам Видмера, «поразительно

¹ Werner Widmer, *Kaisertum, Rom und Welt in Herodians μετά Μάρκου Ζαχάριας ιστορία*, Zürich, 1967, 82 стр. (серия «Geist und Werk der Zeiten», Ht 16).

велика». Крайние мнения: «У Геродиана взгляд подлинного историка» (Домашевский) и «Геродиан — легковеснейший ритор» (Клебс). Некоторые авторы высказывают дифференцированные мнения: Геродиан достоверен в целом, но не в деталях; две последние книги его «Истории» представляют большую ценность, чем предыдущие.

Видмер считает плодотворным исследование, опирающееся не на отдельные места труда Геродиана, а на его общую концепцию. Изолированное рассмотрение отдельных мест может привести к ложным выводам. Важно уловить отражение больших идейных связей, привлекая на помощь параллели из более ранних произведений для уяснения подлинного смысла высказываний историка.

Первая глава книги — «Императорская власть» (стр. 11—34). После рассмотрения титулатуры римских императоров у Геродиана (с тонкими distinctions) Видмер останавливает свое внимание на характеристике идеального и дурного императора. В противоположность Фукидиду, у которого речи служат преимущественно для обрисовки ситуации, и вопреки мнению некоторых исследователей, которые видят в речах Геродиана только отражения его собственных мыслей, речи эти, по мнению Видмера, являются средством для характеристики императора. Хорошие императоры высказывают общезначимые и благородные мысли (например, II, 3, 5—18), речи дурных императоров полны угроз (например, VII, 8, 4—8) и лицемерия (например, II, 14, 3; IV, 4, 4 сл.). Именно в речах особенно ясно сказывается тенденция историка давать резкие антитезы. Императоры отчетливо делятся на идеальных (и близких к идеалу) и отрицательных. Довольно большой раздел главы (стр. 16—27) посвящен обзору свойств идеального и дурного императора у Геродиана. Как показывает нам в ряде мест своего труда Геродиан (I, 7, 3 сл.; II, 10, 3 и др.), и римский народ, и нередко сами императоры придавали большое значение знатному происхождению. Сам же историк не относит знатное происхождение к числу достоинств правителя. Незнатного Пертинакса он ставит на одну доску с Марком Аврелием (II, 1, 4). Преимущество Геродиан отдает опытности (соответственно — пожилому возрасту) (I, 1, 6), воспитанности и образованности, воздержанности, кротости, порядочности (*επιεικεια*), умеренности (*μετριότης*). Этим подчеркиваемым у хороших императоров качествам противопоставляются жестокость, наглость (*αβρις*), алчность других.

В III в. так высоко ценившееся раньше соединение высших способностей правителя и полководца как идеал уже не существует. Не в последнюю очередь это связано с общей переоценкой ценностей в эпоху солдатских императоров. Реликтом прежнего образа мыслей считает Видмер стремление Геродиана и Кассия Диона умалить военную славу дурных императоров Септимия Севера и его сына Каракаллы (III, 7, 3; 9, 12). Наружность и вообще все, что касается внешности, не служит украшением для императора. Красота Коммода (I, 7, 5) и внешнее подражание Марку Аврелию Макрином (V, 2, 4) не помогают первому стать хорошим правителем, а второму — действительно уподобиться императору-философу. К сакральному характеру императорской власти Геродиан относится холодно, хотя нигде прямо этого не выражает. Знаменательно, что далекие от идеала правители охотно связывают себя у Геродиана со сферой религии. Так, Коммод с гордостью говорит о том, что отец его вознесся на небо, стал спутником богов и участником их советов (I, 5, 6); Септимий Север не раз ссылается на божественное покровительство (II, 10, 2; 10, 9; 15, 6 и др.), и именно его апофеоз подробно описан у Геродиана (IV, 2), тогда как об апофеозе Марка Аврелия и Пертинакса прямого упоминания нет. Одна из самых наглядных частей книги — изображение неподобающего поведения эмесского жреца Элагабала, всецело преданного культу своего сирийского бога (V, 5, 3—6, 10).

Хороший правитель в своих отношениях к подданным должен быть отцом, такое требование в античной литературе выдвигается задолго до Геродиана (Xen., Memorab. III, 4, 9; Сурор., I, 6, 24 сл.; Diod., I, 71 сл.; Dio Chrysost., I, 20; III, 39, 43 сл.). Так думает и Геродиан (I, 4, 8; II, 2, 9; 4, 1; 6, 2).

Хороший император считает державу по своей собственности, а достоинством римского народа (VIII, 7, 5). Особой похвалы удостоивается у историка Пертинакс за то, что он запрещал связывать с его именем императорские владения (II, 4, 7).

Для тиранического правителя опорой служит больше страх, внушаемый им, нежели симпатия к нему (III, 8, 8). Его правление беззаконно. Его окружают люди, всеми ненавидимые и думающие только о своей выгоде. Верность своему владыке они соблюдают далеко не всегда и нередко замышляют сами завладеть верховной властью; таковы Переннис, Клеандр, Плавтиан, Капеллиан, представлявшие собой подобие своих императоров. Впрочем, и сами императоры способны внезапно отвернуться от своих вчерашних любимцев и спокойно обречь их на смерть.

Видмер не намерен проследить эллинистические корни всех римских представлений о монархе. Ведь на Геродиана и его современников воздействовала не столько политическая практика эллинистических царей, сколько теория. Эллинистические представления о царе как выдающейся личности, превосходящей всех доблестью, были восприняты стоической философской школой. Отношение Геродиана к философским школам остается неясным. Встречающиеся в его труде положения, иногда противоречивые, свидетельствуют о влиянии общего идейного синкретизма его времени. Во всяком случае о практике эллинистических государей Геродиан высказывается неодобрительно (I, 3, 2). Для понимания взглядов Геродиана на императорскую власть важно понятие *ἀριστοκρατία*, противопоставляемое тирании. Септимий Север, ссылаясь на Пертинакса, выражает намерение ввести «аристократию» (II, 14, 3), но такое правление осуществляется позднее лишь в царствование Александра (VI, 1, 2). Вслед за некоторыми другими исследователями Видмер полагает, что Геродиан под аристократией разумет такую монархическую власть, какую нарисовали авторы процветавшей с эллинистической поры литературы *περί βασιλείας*. Еще по учению Аристотеля, монархия и аристократия близки между собой, разница между ними количественная: в обоих случаях правят «лучшие», но в первом случае один, во втором — многие (Polit. III, 12, 1, 1288a, 32 слл.; V, 8, 1, 1310b, 1 слл.). Об аристократии в собственном смысле в эпоху Римской империи никто мечтать не мог. Оставалась возможность «аристократической монархии», власти, которую, по словам Видмера, на основе своих высоких нравственных качеств осуществит император, окруженный уважением и любовью народа, совместно со своими друзьями на благо человечества.

Вторая глава, «Империя и варвары» (стр. 35—44), значительно короче первой. Начинается она с рассмотрением тех данных, которые позволяют установить, что Геродиан, подобно всем своим образованным современникам, признавал греков и римлян единственными цивилизованными народами, а всех остальных причислял к «варварам» независимо от того, входили ли они в состав Римской империи или нет. Дальше автор показывает, как в отличие от писателей ранней императорской эпохи Геродиан не дифференцирует варварского мира; для него существует деление — *ἡ ἡμετέρα καὶ βάρβαρος* (III, 8, 9). «Варваров» отличает не только язык, но и общие для них качества — алчность, безрассудство, легкомыслие, неумеренность. Если Геродиан и видит в чем-либо отличие северян от людей Востока, то это связано у него с разным климатом. Суровый северный климат создает грубых людей, юго-восточное изобилие — изнеженных. Соответственно изображаются фигуры двух «варварских», как их называет историк, императоров — северянина Максимиана (VII, 1, 2 слл.) и южанина Элагабала (V, 3, 6 слл.; 5, 3 слл.).

Следует маленькая третья глава, «Солдаты и ведение войны» (стр. 45—51). В соответствии с характером народов изображается их поведение на войне. Войско парфян и персов не знает правильного строя, представляет собой неорганизованную толпу, пугающую только своим диким криком (IV, 15, 1); сражается оно, обращаясь в бегство и пуская при этом стрелы (III, 4, 8). Победы персов после гибели Нигера объясняются присутствием среди них римских перебежчиков. Поражение Нигера в борьбе против Септимия Севера и Геродиана в борьбе против Капеллиана, полководца Максимиана, как дает понять Геродиан, зависело от состава их войск; антиохийцы у Нигера (III, 1, 3), карфагеняне у Геродиана (VII, 9, 5). Видмер показывает, что Геродиан по-разному характеризует римское войско. Италия отличается мягким климатом, к тому же она очень долго живет в состоянии глубокого мира; поэтому-то Италия неспособна породить хороших воинов (II, 11, 5; VIII, 2, 4). Иначе смотрит Геродиан на закален-

ные войска, охранявшие границы Империи. И сам историк, и выступающие у него с речами императоры с пренебрежением отзываются о находящихся в Риме преторпанах (II, 10, 2 и др.). Видмер не находит у Геродиана достаточно ясных признаков его отношения к варварским элементам, в значительной степени пополнявшим римскую армию. Зато Геродиан не обманывается насчет удельного веса войска во внутренней жизни римского государства. Когда сенат и народ узнают о провозглашении сирийскими легионами Элагабала императором, все слышат об этом с неудовольствием, но подчиняются выбору войска (V, 6, 2). Воинам принадлежит решающее слово при избрании Юлиана, который привлекает их на свою сторону обещанием щедрых раздач (II, 6, 14), перед воинами заискивает Север Александр (VI, 3, 3).

Военная техника в изображении Геродиана не интересует Видмера. Он только отмечает, что в этом отношении из Геродиана нельзя почерпнуть ничего нового. Любопытны заключительные строки разбираемой главы. Видмер цитирует то место Геродиана, где описывается поле решительного столкновения между войсками Септимия Севера и Нигера у Исса. Геродиан уподобляет это место театру (III, 4, 2); ради эффекта он говорит также о зрителях (§§ 4—5) и переносит сюда же последнюю битву между Александром Македонским и Дарием, хотя в действительности эта битва не была последней. Такое обращение с историческим материалом не говорит в пользу образованности Геродиана и его публики. Видмер, конечно, прав в том отношении, что мы имеем здесь доказательство плохой осведомленности нашего историка в военных делах вообще и в истории военных кампаний прошлого и настоящего в частности.

Очень невелики размеры следующей, четвертой главы, «Сенат и народ в Риме» (стр. 52—56). Здесь разбирается давно уже отвергнутое наукой предположение, будто Геродиан был сенатором и будто бы его труд носит на себе отпечаток сенатских симпатий. Полемизируя, швейцарский историк использует новые аргументы. В некоторых местах «Истории» Геродиана дает себя знать насмешливый тон по адресу сенаторов. Сенат льстиво назначил Каракалле все почести, полагавшиеся победителю, хотя и знал истину о мнимой победе императора над Артабаном (IV, 11, 9). Сенат утвердил «смехотворное» усыновление Севера Александра его двоюродным братом, который был приблизительно на четыре года старше усыновленного (IV, 7, 4). Кассий Дион, сам сенатор, местами умалчивает о некоторых фактах, оскорблявших честь высокой корпорации. У Геродиана нет оснований замалчивать такие факты. Только из его книги мы узнаем о том, что в курии над статуей победы был поставлен портрет Элагабала в одеянии финикийского жреца (V, 5, 6), а также о том, что весь сенат и всадническое сословие окружали этого императора во время совершения им жертвоприношения своему богу (V, 5, 9).

Геродиан питал огромное уважение к Риму как средоточию «судьбы государства» (VIII, 7, 6), его «домашнему очагу» (II, 10, 9). Слишком долгое промедление претендента Нигера и императора Макрина, которые не появляются сразу в Риме (II, 8, 9; V, 4, 12), стало причиной их гибели. У Геродиана есть, впрочем, и сдержанная критика Рима, но она не имеет политического характера и относится только к столичным развлечением (I, 7, 1; III, 14, 2; VI, 2, 3) и к переменчивому настроению римской толпы (VII, 7, 1). В конце главы отмечается употребление Геродианом слова *δημος* в двух смыслах: народ как носитель идеи государства и народ в смысле народной массы.

Совсем немного места занимает пятая глава, «Религия» (стр. 57—60). Видмер, следуя ряду своих предшественников, в первую очередь Фридриху Августу Вольфу, обосновывает мысль о религиозном индифферентизме Геродиана, отсутствие у него религиозного объяснения событий; необычные явления природы Геродиан констатирует, но не комментирует. Религия и культы интересуют Геродиана, но это отнюдь не интерес религиозного человека. Имеется у Геродиана и некоторый скептицизм: сны и орაკулы, по его мнению, признаются правдивыми, когда они исполняются (II, 9, 3); эмеский камень местные жители х о т я т считать нерукотворным изображением солнца (V, 3, 5). Видмер не решается определить, в какой степени слово *τύχη* у Геродиана имеет смысл «слепой случай», но выражения *κατὰ τινὰ δαίμονα*, *ἔδει*, *ἐχρήθη* кажутся ему не столько признаками философской спекуляции, сколько заимствованиями из трагедии.

Глава шестая, «К хронологии» (стр. 61—64), вносит нечто новое в объяснение давно известного факта хронологических несообразностей у Геродота. Отклонения от исторической истины, как это можно видеть по крайней мере на некоторых примерах, зависят от влияния формальных основных положений нашего историка. Если Портинаксу Геродот предоставляет царствовать неполных два месяца (II, 4, 5) вместо действительных 87 дней, то это сделано ради большего прославления идеального императора, который в короткий срок сумел многого достичь. Подробнее разбирает Видмер смещение хронологических рамок в рассказе о правлении Севера Александра. Последующие поколения смотрели на царствование этого императора как на последний сравнительно долгий спокойный период в истории Римского государства. Так думает и Геродот. Тринадцать лет Александр Север правил безукоризненно, а на 14-й год он неожиданно получает сообщение о свержении власти парфия персидским царем Артабаном, о его вторжении в Месопотамию и угрозе для Сирии (VI, 2, 1). Далее следует неудачный восточный поход Александра, его война с германцами и гибель. Все последние события, т. е. все неудачи Александра, втиснуты Геродотом в короткий промежуток времени и соответствующим образом аранжированы (опущено пребывание Александра в Риме между восточным и северным походами), чтобы удлинить период благоденствия и сократить время бедственных походов. Из других примеров, которыми оперирует Видмер, выделим случай Луциллы, сестры Коммода. Геродот, отыскивая причину, побудившую императорскую сестру составить заговор против брата, сообщает, что Коммод незадолго до заговора вступил в брак с Криспиной и даровал ей почести, тем самым отодвинув на второй план Луциллу. В действительности же брак с Криспиной состоялся еще до начала единоличного правления Коммода.

Глава седьмая, «К вопросу об источниках Геродота и о его личности» (стр. 65—71), начинается с изложения состояния вопроса об источниках Геродота. Здесь есть и общеизвестное (перечисление письменных источников, на которые ссылается Геродот), причем Видмер обращает мало внимания на собственные заявления историка относительно того, какими письменными источниками реально пользовался Геродот. Об источниках устного характера, несомненно сильно повлиявших на Геродота, Видмер упоминает лишь вскользь. Вполне справедливо замечание о несвойственной Геродоту детальной манере изложения в описании осады Аквилы. Высказывается сомнение, видел ли наш историк секулярные игры, устроенные Септимием Севером в 204 г.

По вопросу о родине Геродота Видмер ничего существенно нового не дает; он напоминает о слабости доказательств в пользу антиохийского и александрийского происхождения Геродота и о некоторой вероятности его происхождения из Малой Азии. Вопрос об общественном положении историка обсуждается в традиционном плане, без каких-либо новых аспектов.

Резюме (стр. 72—75) начинается замечанием о том, что Геродот, как это видно из его прозы, рассчитывал на успех у современников и у потомства. Поэтому естественно думать, что историк придерживается тех же взглядов, что и его окружение. С этой позиции Видмер и подводит итоги своего исследования.

Труд Геродота носит на себе печать традиционных воззрений и в значительной степени представляет собой мешанину унаследованных, частично противоречивых, идущих главным образом от средней Стои идей. Отдельные черты идеального монарха восходят к теориям доэллинистической и эллинистической поры (много параллелей между Геродотом и «Кипропедией» Ксенофонта, который был предшественником эллинистических теорий). Читая Геродота, мы ясно видим, что свободный житель Римской империи чувствовал себя не гражданином, а бессильным подданным. Войны, завоевательные и своекорыстные, мешали осуществлению политических идеалов, возводили на престол далеко не лучших, тех, кто обещал им выгоды. «Варварский» мир на Севере и Востоке не представлял большой опасности при воинственных императорах (Септимий Север, Каракалла, Максимин). Реальная угроза со стороны германцев и персов возникает при Севере Александре. Налет пессимизма на всей «Истории» Геродота Видмер считает чем-то большим, чем простое следование модной теории.

Общий вывод Видмера следующий: труд Геродиана дополняет «Историю» Кассия Дiona в том смысле, что расширяет наши сведения об образе мыслей низших слоев свободного населения Империи; по части реальной истории Геродиан также дополняет Кассия Дiona (точнее, сохранившиеся до нас эксерпты), а иногда, хотя и редко, дает возможность вносить поправки к Диону. Для десятилетнего (круглым счетом) периода с момента завершения «Истории» Дiona Геродиан — наш единственный современный событиям источник.

В заключительных строках Видмер еще раз поднимает вопрос о достоверности сообщений Геродиана. Понимает ли Геродиан под достоверностью то, что разумеет под этим словом мы? Не видел ли он подлинную истину в том, чтобы изобразить Пертинакса в виде безукорызного правителя, а Максимиана представить тираном, вызывавшим к себе общую ненависть, и в обоих случаях отбросить все то, что не соответствовало искомому образу?

Глубокое проникновение в мировосприятие Геродиана позволило Видмеру написать книгу, в которой лаконизм изложения сочетается с широким и всесторонним освещением важнейших политических воззрений греческого историка. Само собой разумеется, без исследований предшественников не было бы книги Видмера, зато и знакомство с ней является той *conditio sine qua non*, без которой невозможны дальнейшие работы по исследованию «Истории» Геродиана.

Тексту Геродиана (в подлиннике и в английском переводе, с комментариями) Уайттэкер, профессор университета в Гане, предпослал большое введение, в котором не оставил без внимания ни одного вопроса, связанного с биографией и трудом Геродиана².

Отметим сразу две характерные черты очерка Уайттэкера: скепсис по отношению к установившимся мнениям и стремление найти в отдельных случаях новую, оригинальную точку зрения. Та и другая особенности проявляются уже в самом начале, где речь идет о биографии Геродиана. Достаточно известно не раз обсуждавшееся противоречие: во «Введении» историк говорит, что он намерен описать события за 60 лет (I, 1, 5), а во второй книге (II, 15, 7) уже дается обещание описать события за 70 лет. До сих пор предлагались два объяснения этого противоречия: либо считали число 70 ошибкой переписчика и исправляли на 60, либо полагали, что первоначально Геродиан действительно намеревался охватить период в 70 лет (со 180 по 250 г. н. э.), но затем, закончив свою VIII книгу на 238 г., он, будучи очень старым, отказался от первоначального плана и добавил свое «Введение», в котором написал, в соответствии с тем, что у него получилось, о 60 годах, забыв сделать нужное изменение во II книге, где осталось число 70. Уайттэкер смотрит на дело несколько иначе. Указание «60 лет» во вводной части «Истории» соответствует действительности; что же касается 70 лет во II книге, то это следует понимать в том смысле, что автор включает в свой труд описание событий, происходивших в пределах его 70-летней жизни. Таким образом, оказывается, что в числовых показаниях 60 и 70 нет противоречия, это только условные числа. Другой пример собственной более или менее оригинальной позиции Уайттэкера, обусловленной отчасти скептическим отношением к высказанным до сих пор точкам зрения, находим в его высказываниях о служебном положении Геродиана, которое последний сам называет *ὑπηρεσία*. По мнению Уайттэкера, следует отказаться от точного определения положения Геродиана, так как слово *ὑπηρετής* имело очень широкое значение и могло обозначать самые разнообразные положения, от *legatus* до *licitor*. Самым подходящим эквивалентом греческого *ὑπηρετής* является латинское *apparitor*. Важно то, что *apparitores* находились во всех сферах императорской администрации. В качестве *apparitor* (и именно это существенно) Геродиан мог иметь доступ к сенатским документам, путе-

² Herodian in two volumes with an english translation by C. R. Whitaker, London — Camb., Massachusetts, 1969, стр. IX — LXXXVII. Большой библиографический список, «Избранная библиография» (стр. LXXXIX — XCV), приложенный к «Введению», свидетельствует об основательном знакомстве автора с существующей литературой по Геродиану.

шествовать по провинциям, быть причастным к дворцовой жизни, соприкасаться с интересами сенатских и всаднических фамилий в столице.

В полной мере проявился скептицизм Уайттэкера в вопросе о родине Геродиана. В последнее время господствовало мнение, что Геродпан был уроженцем Антиохии. Правда, никто не выдавал этой гипотезы за непререкаемую истину, но, за исключением очень немногих авторов (в том числе Видмера), общим, если не убежденным, то допущением было антиохийское происхождение историка. Уайттэкер выдвигает ряд возражений против такого допущения. Он ссылается на ошибки, необъяснимые у антиохийца. Геродиан смешивает парфянских царей Вологеза IV и его сына Артабана V (III, 9, 10); он, видимо, не знает, что сын Макрина Диадумен был объявлен Августом при жизни отца (V, 4, 2); его хронология и география парфянского похода Септимия Севера в 197/8 г. путаная (III, 9, 3 слл.). Сам Уайттэкер, впрочем, понимает, что слишком далеко заходит в своем скептицизме, но согласен отнестись некоторые ошибки и неточности в сообщениях о событиях, происходивших неподалеку от Антиохии за счет пребывания историка в других частях Римской империи, куда новости могли приходиться в искаженном или неполном виде. Не совсем последовательно Уайттэкер все же настаивает на том, что житель Антиохии мог бы избежать таких ошибок. Но ведь статус уроженца Антиохии вовсе не предполагает постоянного пребывания в городе. С другой стороны, не следует забывать и о значении устных источников для Геродиана, который едва ли всегда имел возможность (и желание?) проверять информацию. Тем не менее скептические замечания Уайттэкера полезны в том смысле, что не позволяют нам успокаиваться на правдоподобных гипотезах и напоминают о неполной доказательности существующих мнений.

Свое недоверие к установившимся взглядам Уайттэкер проявляет еще в одном вопросе. Ряд экскурсов Геродиана дает повод считать, что его труд обращен к грекам, не сведущим в римских порядках, празднествах, обрядах, т. е. главным образом к провинциальным грекам. Суждение Уайттэкера по этому поводу иное: если Геродпан и думал о провинциальных греках, то все же не на них он ориентировался; в своих экскурсах, представляющих собой литературные украшения его «Истории», он задается целью развлечь воспитанных на софистике читателей (и слушателей). Можно по-разному относиться к этим соображениям Уайттэкера, но нельзя не отдать должного своеобразию его высказываний и умению найти свою оригинальную точку зрения.

Интересен и убедителен в отделе об информации, которой пользовался Геродиан, опыт перечня мест в «Истории», свидетельствующих с большой долей вероятности о пребывании историка в Риме (стр. XXXI слл.). Следовательно, Геродиан, бесспорно, был в Риме в два периода времени — в 188—193 гг. и в 238 г., т. е. в начале и в конце своей карьеры. Умолчание о волнениях в Риме в 228 г. (у Уайттэкера опечатка — «223 г.» — на стр. XXXIII), приведших к гибели Ульпиана, дает основание думать, что Геродиана в это время в Риме не было.

Закljučая обзор мнений о Геродиане в древности и в новое время, сам Уайттэкер высказывается о нем довольнонисходительно: в сущности недостатки Геродиана сродни недостаткам античной историографии вообще, и особенно историографии его времени. Геродиан относился отрицательно к риторической историографии, для которой характерно было увлечение красотами стиля в ущерб правдивости и точности, но сам он, естественно, не мог совершенно оторваться от своего окружения, а потому в какой-то степени ему свойственны недостатки, от которых он хотел бы избавиться.

На неопределенных хронологических указаниях Геродиана Уайттэкер не останавливается, отсылая к работам предшественников. Сам он занимается разбором только тех мест, где неопределенные хронологические показания историка ведут к явным ошибочным представлениям. Хороший пример этого — в описании событий, последовавших за гибелью Пертинакса в 193 г. Конечно, Септимий Север в Паннонии и Песценний Нигер в Сирии узнали об этом событии почти одновременно (во всяком случае Север узнал не позднее Нигера). Между тем порядок событий в изложении Геродиана (II, 8, 6; 9, 1 и т. д.) и одно место в речи Севера (II, 10, 7 слл.) дают повод думать, будто декларация Севера была следствием декларации Нигера. В речи Севера, написанной

Геродианом, видимо, после основного рассказа, отражается скорее драматический, нежели исторический порядок событий (II, 9, 3).

Из других мест, разобранных английским исследователем, отметим два, где упущенные из виду промежутки времени между событиями привели к искажению исторической перспективы. Битвы Максимиана на Рейне и Дунае в 236—238 гг. оказались потерянными в единственном сообщении о зиме, проведенной в Сирмиуме (VII, 2, 9). Две кампании Септимия Севера в Атре, отделенные одна от другой некоторым промежуток времени (198 и 199 гг.), превратились у Геродиана в одну-единственную (III, 9, 3). Тем не менее Уайттэкер берет историка под защиту, заявляя, что тот менее виновен в погрешностях, нежели можно было бы думать на основании работ некоторых ученых (Спверса, Голя). Разбираются некоторые места «Истории» Геродиана, подвергшиеся критике в научной литературе, и доказывается возможность оправдать имеющиеся в них хронологические показания.

Не отрицает Уайттэкер замеченную до него путаницу в географических показаниях у Геродиана. Особенное внимание уделяет он тем неопределенным географическим указаниям историка, которые по существу бесполезны для локализации событий. При этом Уайттэкер нестати напоминает о выпаде Лукиана против мнимых подражателей Фукидида, которые «описывают каждый город, каждую гору, равнину и реку» (Lucian. Quom. hist. scrib. 19, 57). Выставляя напоказ свои географические познания, эти историки пытаются таким образом прикрыть необведомленность о событиях. Уайттэкер полагает, что в отличие от подобных историков Геродиан уклонялся от сообщения географических подробностей. Дело, надо думать, обстояло проще: сочинение географических деталей не в духе Геродиана, а реальных знаний о предмете, видимо, он не имел.

Уайттэкер очень подробно перечисляет случаи неточностей и ошибок Геродиана при изложении исторических фактов. В этом перечне есть и давно известный материал, и кое-что новое. Сравнение с сообщениями Кассия Диона дает повод удостовериться в том, что не всегда следует отдавать предпочтение Диону. Разумеется, по части сенатских дел его свидетельства достаточно надежны, чтобы контролировать сообщения Геродиана. Например, сенатор Дион слушал выступления в сенате императоров Коммода и Пертинакса, о которых Геродиан либо вовсе не сообщает, либо дает превратное представление, выдумывая риторическую декламацию (II, 3, 1 слл.). С другой стороны, некоторые места у Геродиана служат хорошим предостережением против излишнего доверия к Диону. Например, Дион дает льстивое описание той радости, с какой бы принят в Риме в 193 г. Септимий Север (LXXIV, 1, 3—5), с чем резко контрастирует сообщение Геродиана (II, 14, 1); мы убеждаемся в том, что Дион отнюдь не отражает здесь настроение всего сената, как можно было бы думать, исходя из его рассказа. Умолчания Геродиана получают у Уайттэкера двойное объяснение. Они бывают сознательными, например умолчание о донативе Пертинакса преторианцам (чтобы не наводить тени на образ идеального монарха), и результатом неосведомленности — это касается, например, военных кампаний. К первой категории Уайттэкер относит отсутствие ряда собственных имен. У Геродиана видно стремление не отягощать свои рассказы обилием имен; яркий пример: в 212 г. Каракалла уничтожает сторонников Геты, видных представителей римской знати, чьи имена не мог не знать Геродиан, который тем не менее не называет даже Палиниана (IV, 6, 2).

Тесная связь истории с риторикой во времена Геродиана иллюстрируется многими примерами. Осуждая некоторые отличительные черты тогдашней историографии, пренебрегавшей поисками исторической истины и дорожившей главным образом красотами стиля, Геродиан, конечно, не хочет этим сказать, что он стремится лишить историю красочности, элементов сенсационности (I, 1, 4—5). Его «История» украшена подражаниями классическим образцам, риторическими декламациями, морализирующими сентенциями, антикварными отступлениями и «этимологическим хламом». Влиянием риторики объясняется и наличие у Геродиана большого количества стандартных выражений. Сделав обзорные последние, Уайттэкер оговаривается: мы впали бы в ошибку, если бы пришли к заключению, что риторика привела Геродиана к фальсификации;

несогласованность сообщений Геродиана, отдельные искажения и погрешности вовсе не означают сознательной фальсификации. Выборочный метод Геродиана заключается в том, чтобы сами по себе достоверные факты использовать как материал для типизации.

В традиционном плане рассматриваются речи у Геродиана. Уайттэкер согласен с тем, что речи эти сочинены самим историком. Все критические замечания, сделанные исследователями по поводу речей Геродиана, справедливы, и все же Уайттэкер в большей степени, чем его предшественники, усматривает в речах Геродиана ценные детали. Речь Пертинакса в сенате (II, 3, 1 слл.) отражает тот *horror imperii*, который владел этим императором, неожиданно ставшим обладателем верховной власти; опасения Пертинакса были вызваны существованием реальной оппозиции, о которой мы узнаем из «*Historia Augusta*» (Pert. XV, 8). В речи Максимиана содержится единственное категорическое свидетельство об участии этого императора в военных действиях в Месопотамии и в Сарматских войнах (VII, 8, 4). Если Септимий Север в своей речи, обращенной к собственным воинам, принижает воинские качества британского войска (III, 6, 6), что противоречит оценке их самим Геродианом (II, 15, 1), то историческая ситуация вполне оправдывает позицию Севера — полководец хочет внушить своим воинам чувство превосходства над войском Альбина. Даже предсмертная речь Марка Аврелия, при всей неуместности длиннот в устах умирающего, содержит подлинные мысли, опасения и советы императора, которые он мог давать сыну.

В разделе об источниках (стр. LXI—LXXI) не принята во внимание устная информация, о которой совершенно недвусмысленно говорит сам Геродиан как об одном из основных своих источников. Можно подумать, что Геродиан представлял собой подобие Диодора, который за два века до него писал свой труд, работая в библиотеках. Однако и здесь у Уайттэкера есть ценные выводы. Совершенно ясно, что в своих антикварных сообщениях Геродиан зависит от письменных источников. Попытку доказать, что этим источником был автор августовского века Веррий Флакк³, Уайттэкер считает неудачной. Главным вопросом источниковедческого порядка английский автор считает выяснение взаимоотношения между Геродианом и двумя крупными историками его времени, Кассием Дионом и Марием Максимумом. Правы те исследователи, которые не сомневаются в знакомстве Геродиана с трудами его двух знаменитых старших современников. По вопросу об отношении «Истории» Геродиана к труду Диона существуют три точки зрения: 1) Геродиан не пользовался Дионом; 2) Геродиан многое черпает из Диона; 3) оба автора брали свой материал из общего источника. Уайттэкер не присоединяется ни к одному из этих трех мнений. Имеются аргументы, думает он, в пользу вывода о зависимости Геродиана от Диона лишь в некоторых местах, именно в описании отдельных эпизодов из царствования Коммода, в описании сцен 193 г. (II, 2, 4 — здесь есть и словесные совпадения), в сообщении о мотивах, побудивших Каракаллу посетить Александрию (IV, 8, 6 — здесь есть любопытные стилистические наблюдения) и др. Не следует преувеличивать близость Геродиана к Диону; ведь помимо того, что «История» Диона доходит только до 229 г., необходимо учитывать и наличие у Геродиана такого материала, который отсутствует у Диона. Кроме того, личные воспоминания Геродиана (т. е. в сущности то, чем Уайттэкер в своем рассуждении необоснованно пренебрегает) становятся важным элементом его труда, по мере того, как его собственная зрелость и опыт в административных делах приближают его к пониманию событий.

Вопрос о зависимости Геродиана от Мариа Максима остается открытым. Нельзя доказать даже заимствования Геродиана у Мариа Максима документального материала. То, что сохранила из Мариа Максима «*Historia Augusta*», показывает, что в его многословных биографиях было много тривиального, скандального и невероятного, что непонадобилось Геродиану.

³ E. V a a z, De Herodiani fontibus et auctoritate, Diss., Berolini, 1909, стр. 11 слл.

Последний раздел большой статьи Уайттэкера посвящен назначению «Истории» Геродиана. Выражение «политическая философия», говорится в статье, может внушать слишком высокое представление о политических идеалах Геродиана, политические горизонты которого не очень широки. В его труде доминирует фигура Марка Аврелия, хотя этот император изображен только на смертном одре. Однако упоминания о нем часты, их не менее 13. Марк Аврелий представляет собой идеального правителя, наделенного всеми качествами, необходимыми для ведения разумной внутренней и внешней политики. Одна существенная черта его правления: согласие между ним и сенатом. По самому своему характеру это правление не было единовластным; это «аристократия» (I, 2, 2; II, 14, 3), при которой рядом с монархом руководящую роль играют «лучшие» — друзья и советники (φίλοι, συμβούλοι — I, 4, 1; 8, 1; V, 1, 8). В ряду последующих императоров есть и лица недостойные и приближавшиеся к идеалу, но по тем или иным причинам не достигшие его. В таком отображении исторической действительности и сказываются политические взгляды Геродиана.

Уайттэкер касается еще одной стороны труда Геродиана. Последний не был высокопоставленным лицом. Подобно Марциалу и ряду других деятелей римской литературы императорской эпохи, он нуждался в высоких покровителях. Многочисленные упоминания у него о знатных фамилиях, так или иначе связанных с Антонинами, дают повод думать, что именно среди этих просвещенных аристократов нужно искать покровителей Геродиана, интересы которых (хотя Уайттэкер прямо об этом не говорит) влияли на выбор событий, нашедших место в труде Геродиана.

Подводя итоги, следует сказать, что Уайттэкер в своей вводной статье дал нам нечто, вполне сравнимое со статьей Доппа о Геродиане в Реальной Энциклопедии Паули-Виссова (RE, Bd. VIII, 1913, стб. 954 сл.). Читатель найдет в этом введении всеохватывающее компетентное изложение всего комплекса вопросов о творчестве Геродиана, поставленных в науке XIX и XX вв. В своих рассуждениях Уайттэкер проявляет должную осторожность, стараясь избегать слишком категорических формулировок там, где нужны оговорки и ограничения, которые он и делает, наглядно показывая условность или недостаточную обоснованность некоторых утвердившихся или просто предложенных в науке мнений. Статья Уайттэкера критически подытоживает результаты работы филологов и историков над «Историей» Геродиана и отныне будет служить прочной опорой для всех, кто занимается изучением этой «Истории».

Более частным вопросам посвящены две статьи Г. Алфёльди: «Личность Геродиана» и «История и ощущение кризиса у Геродиана»⁴.

В первой статье автор занимается традиционными вопросами, в частности хронологией жизни Геродиана. Здесь обращают на себя внимание два рассуждения. Одно из них касается известного противоречия у Геродиана о периоде времени, который он намерен охватить в своем труде: 60 или 70 лет. Уайттэкер, не удовлетворенный существовавшими до него объяснениями, предложил свое: 60 лет — период, составляющий содержание «Истории» Геродиана, а 70 — возраст самого историка, в пределах которого происходит описанные им события (см. выше). Алфёльди понимает иначе: судя по контексту, указание «60 лет» относится к тому периоду, в который сменилось много императоров (приблизительно время Пертинакса, Дидия Юлиана, Песценния Нигера, Клодия Альбина, Септимия Севера и т.д.), т. е. если Геродиан писал в 250 г., то имеется в виду время со 190 г. Некоторая хронологическая неточность должна быть отнесена за счет спешки, в которой писал историк. Что же касается 70 лет, то это период времени, который хотел, но не успел охватить в своей «Истории» Геродиан. Особое мнение имеет Алфёльди и по поводу времени опубликования труда Геродиана. Это свое рассуждение Алфёльди начинает с напоминания о выдвинутых до него решениях вопроса. На основании числовых расчетов полагают, что «История» была закончена и опубликована при Гордиане III, провозглашении которого в 238 г. она заканчивается. Против этого

⁴ G. Alföldy, Herodians] Person, «Ancient Society», 2, 1971, стр. 204—233; он же, Zeitgeschichte und Krisenempfindung bei Herodian, «Hermes», 99, 1971, стр. 429—449.

был выставлен довод: упоминание Геродианом этого императора не отличается почти тельностью — он был провозглашен императором за неимением кого-либо другого (VIII, 7, 5). Поэтому дата опубликования труда Геродиана была отодвинута дальше — в царствование Филиппа Аравитянина (244—249 гг.). Алфёльди не может с этим согласиться. Наряду с некоторыми соображениями просопографического порядка он указывает, что у Геродиана префекты претория, ставшие императорами (а к ним принадлежал и Филипп), изображаются в неприглядном свете. Тут же, однако, Алфёльди делает оговорку: слова Макрина, который был из всаднического сословия, занимал должность префекта претория, а потом стал императором, как он сам писал, благодаря своим заслугам, могли звучать как лесть Филиппу (V, 1, 5—8). По мнению Алфёльди, опубликование «Истории» Геродиана следует отнести к царствованию Деция (249—251 гг.). Аргументация Алфёльди, ослабленная его же собственным замечанием о речи императора Макрина, звучит не очень убедительно, несмотря даже на то, что и личность Деция, который приближался к идеальному в представлении Геродиана правителю, и его внутренняя политика (идеология *mos maiorum*) благоприятствуют тезису об опубликовании книги Геродиана именно в его царствование.

Продолжая линию Уайтхедера, Алфёльди опровергает господствовавший долгое время взгляд на Антиохию как на родину Геродиана. Последний обнаруживает хорошее знакомство с делами греческих полисов западной части Малой Азии. Видимо, он либо происходил оттуда, либо там поселился.

Рассмотрение других вопросов (социальное положение Геродиана, его пребывание в Риме) не заключает в себе ничего нового, но является полезным благодаря эрудиции и добросовестности автора.

Любопытна, хотя и в значительной степени парадоксальна, вторая статья Алфёльди. Речь идет об ощущении кризиса Геродианом. Кризис Римской империи в III в. н. э. отразился в литературе: в речи Псевдо-Аристеда в 247 г. (*περὶ βασιλείας*), у Киприана около того же времени (*Ad Demetrium*); у первого — Империя на грани катастрофы, у второго — «стареющий мир» (*mundus senescens*).

Алфёльди ставит вопрос об отражении этого кризиса у Геродиана. Ответ Алфёльди (основная мысль его статьи) такой: Геродиан не только дал изображение атмосферы эпохи кризиса, но и пытался представить историю в свете этого кризиса. Свою мысль Алфёльди развертывает следующим образом. Для Геродиана, как и для Диона, новая эра, т. е. печальная полоса в жизни империи, началась после смерти Марка Аврелия. Различие, однако, в том, что для Диона дело сводится к появлению на троне недостойных фигур, тогда как Геродиан уже в своем проэмии дает картину глубокого кризиса (II, 1, 4; также II, 8, 2). Геродиан тщательно отмечает всякие новшества, причем лишь немногие из них не имеют отношения к кризису империи. После Марка резко изменяется ситуация внутри империи. Коммод ведет себя так, как никто до него. Пертинакс убит войнами, поправшими всякую дисциплину и впервые проявившими необыкновенную алчность (продажа власти Юлиану). Дальше анархия и победа Септимия Севера, который, хотя и был видным полководцем, способствовал распылению дисциплины теми привилегиями, какими он наделил воинов. В таком духе пишет историю Геродиан. В статье проводится сравнение между Дионом и Геродианом, и все выводы оказываются не в пользу Диона. Геродиан не обходит молчанием неблагоприятные знамения (так поступают вообще античные историки), но он не придает им того значения, какое они имеют у суверенного Диона. Вопросы экономического порядка Геродиан, подобно другим историкам древности, не был в состоянии оценить. Зато его в большой степени занимают признаки кризиса в следующих областях: структура императорской власти и роль армии в жизни государства; в связи с этим новая дифференциация общества, отношение отдельных частей Империи к Италии и между собой; наконец, внешнеполитическое положение. После смерти мягкого и просвещенного Марка власть переходит к его сыну-тирану. Чем дальше, тем больше дают себя знать перемены. При Антонинах опорой императоров были поддержка сената, верность войска, финансовая мощь и популярность у народа (I, 6, 6 — речь Помпеяна). Север опирался только на деньги и на войско (III, 13, 4); поддержкой сената и любовью народа можно было

пренебречь. Геродиан наглядно показывает читателю, как императорская власть, ставшая все более и более авторитарной, в то же время утрачивает устойчивость. Увлечаясь своей теорией кризиса, историк начинает видеть попытки к ниспровержению власти там, где их не было. Переннуса, Клеандра и даже предводителя банды Матерна Геродиан делает претендентами на захват верховной власти.

Гораздо яснее, чем Дион, Геродиан изображает роль армии в жизни Империи. Движения в провинциях (*ἐθνῶν κινήσεις*) в изображении Геродиана оказываются грозным симптомом утраты Италией ее первенствующего положения и даже распада Римского государства. Геродиан, по Алфёльди, предвидит разделение Империи на две части — западную и восточную и сам создает никогда не существовавший план разделения державы между Каракаллой и Гетой (IV, 3, 5 слл.).

Алфёльди приписывает Геродиану лучшее сравнительно с Дионом понимание кризиса в области социальных отношений — падение престижа знатных фамилий, возвышение новых людей, напряженность во взаимоотношениях между разными слоями населения (антагонизм между армией и свободными гражданами). Опасность на границах империи Геродиан ощущает намного острее Диона.

Итоги, к которым приходит Алфёльди: Геродиан гораздо яснее Диона осознал, что Римская империя находится в состоянии глубокого кризиса; кризис был для него не результатом неудержимого морального или биологического процесса вырождения или следствием неправильной политики отдельных недостойных правителей, а следствием взаимодействия разных исторических сил. При всем том историк не считал положение безнадежным. Предотвратить гибель государства могли жесткие императоры типа Септимия Севера, а победить варваров мог только испытанный воин вроде фракийца Максимиана. Тот и другой могли справиться со своей задачей с помощью дунайского войска, которое было под их командой.

Превосходство Геродиана над Дионом в понимании кризиса Империи Алфёльди связывает с двумя обстоятельствами. Во-первых, Геродиан как представитель если не народных низов, то во всяком случае гораздо менее высоких слоев граждан, чем Дион, стоял ближе к реальной жизни народа в целом; во-вторых, он писал позднее Диона, когда явления кризиса стали обозначаться отчетливее.

В сущности мы имеем у Алфёльди блестящую характеристику Геродиана как историка, уловившего основное направление исторического процесса своего времени и в этом отношении оставившего далеко позади себя своих современников, в частности Диона. Так еще никто не расценивал Геродиана, и в этом смысле позиция Алфёльди действительно в полной мере парадоксальна. В то же время резким диссонансом звучат вкрапленные в разных местах статьи, иногда довольно развернутые, замечания автора по адресу греческого историка. Прежде всего Алфёльди отказывается видеть у Геродиана то, чем последний открыто гордится, — самостоятельное собрание материала. Даже не прибегая к аргументации, не считаясь с имеющимися работами, в которых доказывается полная или почти полная независимость Геродиана от Диона, Алфёльди безоговорочно утверждает, что свой материал Геродиан берет у Диона. Материал этот Геродиан выбирает, перерабатывает, даже фальсифицирует (так, видимо, толкует Алфёльди те несовпадения между двумя историками, которые для других исследователей являются аргументом в пользу вывода о независимости Геродиана от Диона). Задачей Геродиана, по Алфёльди, было выбирать из труда его предшественника нужный ему материал и перерабатывать в драматическо-риторическом стиле в угоду публике, не желавшей читать слишком обширный труд Диона.

Еще в VI книге (о Севере Александре) Геродиан пользовался Дионом. Дальше, утверждает Алфёльди, не замечая того, что противоречит сам себе, Геродиан пишет, основываясь на собственных воспоминаниях. Спрашивается: почему автор, вначале неспособный самостоятельно работать, вдруг обретает такую способность с того момента, когда Дион помочь ему больше не может?

В статье много неслышанных для репутации Геродиана как историка высказываний. То, что мы читаем у Геродиана, — отражение современной ему истории в стиле, так сказать, дешевой журналистики для невзыскательной публики греческих городов запада

Малой Азии (стр. 432). Героднан, сказано в другом месте статьи, не обладает острым взглядом великого историка, хотя и способен критически осознать современность (стр. 445). Он писал для беспринципного читателя, и его не смущали слова Луккиана, что не всякому дано быть историком; он принадлежит к числу тех историков, которых сам же осуждает за то, что они надеются недостаток достоверности прикрасить приятностью своей речи (I, 1, 1 — стр. 447). Он не был способен проникнуть в глубь исторических событий и часто дает им наивные объяснения (сюда относится и его убеждение, что кризис наступил внезапно после смерти Марка Аврелия).

Поверхностный журнализм и подлинное понимание кризиса Римской империи, риторическая переработка чужого материала и самостоятельная точка зрения на сущность исторического момента, наивность отдельных объяснений и верная картина общего кризиса — эти противоречия в интересной статье Алфёльди заставляют задумываться всякого внимательного читателя. Автор прав либо в одном, либо в другом. Либо Героднан сознательно изображает кризис III в., но тогда какая-то часть приведенной характеристики должна отпасть; либо, если для него целиком или частично подходит эта характеристика, важные для истории кризиса явления и события, о которых он сообщает в своей «Истории», должны получить иное объяснение.

Исходя из признания Героднана добросовестным историком (хотя и не обладавшим широкими горизонтами), самостоятельно собиравшим свой материал, находя у него много ценных сведений для картины кризиса Римской империи его времени, естественно прийти к заключению, не совпадающему с мнением автора исследований. Героднан отовсюду собирает сведения, обладает широкой осведомленностью. Героднан фиксирует в своем труде (пусть не всегда в их истинном виде) явления и события, несшие на себе отпечаток кризиса. Ему не было надобности приписывать от себя честолюбивые замыслы Клеавдру и другим, так как все это приписывала им молва.

Эпоха кризиса порождала и определенное историческое предание, возникавшее одновременно с событиями, и это предание повествовало то о сумасбродствах императоров, то о вмешательстве армии в дела, связанные с наследованием верховной власти, то о столкновениях армии с сенатом или римским гражданством, то о борьбе претендентов за престол и т. п. Распространение таких рассказов само по себе свидетельствует о кризисе. На страницы «Истории» Героднана вторгается сама жизнь и делает его для нас первоклассным источником для изучения кризиса Римской империи III в. н. э.